

Российская империя должна была рухнуть, и первыми это почувствовали поэты, наделенные пророческим даром. У обновлённой страны появилась новая мощная энергия и возникало новое будущее. Эта энергия искала выхода в душах молодых поэтов. Воодушевленные светлым будущим, они шли к нему, испытывая огромное счастье. Футуристы оформились в творческий союз в 1910 г.

- Футуристические группы
- Будетлян
- Центрифуга
- Эгофутуризм

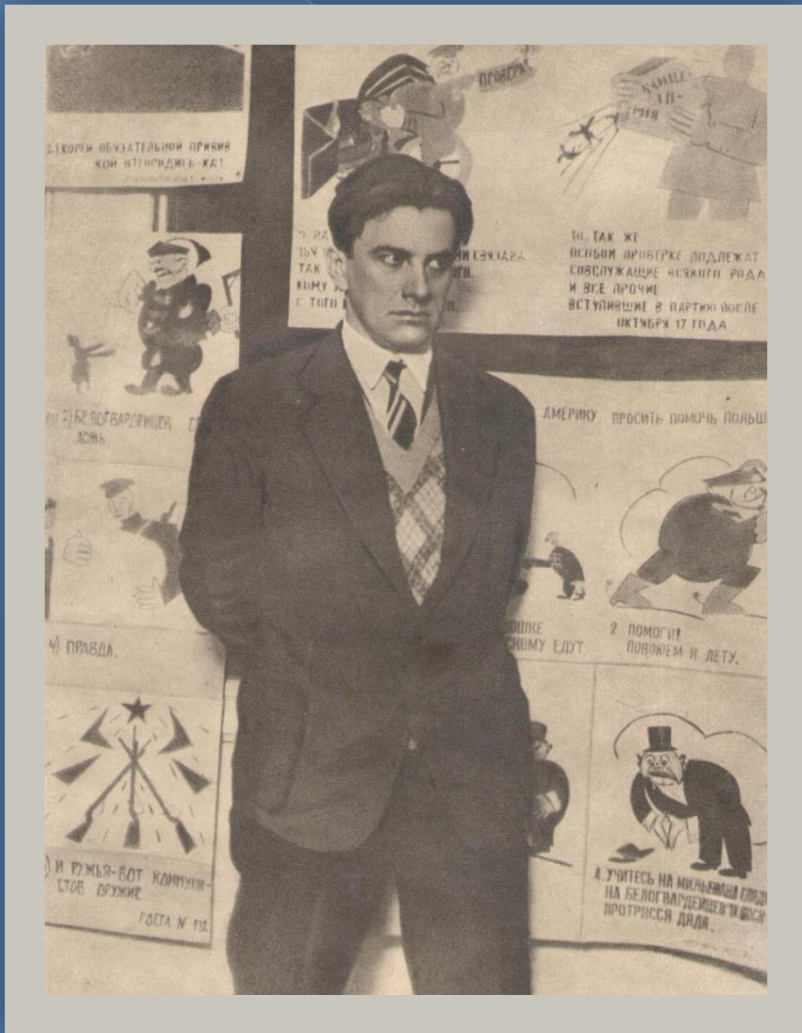
Главные элементы нового искусства

- «Раскрепощенное слово», ломка традиционных форм
- м языка, «соединение несоединимого», оксюмороны;
- Жанр заклинаний, фольклорно-мифологические мотивы;
- Метафорическое ассоциативное мышление;
- «Словотворчество и словоновшество» (неологизмы).

Задания

1. Проанализировать элементы нового искусства в представленных стихотворениях.
2. Как картины Чюрлёниса выражают новаторские достижения футуристов?

Владимир Владимирович Маяковский (1893-1930)

Верил в поэзию как в великую силу, во всесилие художника, способного «смазать карту будня». В стихах – ораторская позиция, дерзость и нежность, сила и беззащитность.

«Маяковский начал с громогласия. Его нужно читать всем вместе, хором, ором, собором. Всем залом. Всем веком. Это первый в мире поэт масс. Первый русский поэт-оратор».

(М. Цветаева)

Грядущие люди! Кто вы?
Вот – я, весь боль и ушиб.
Вам завещаю я сад
фруктовый
Моей великой души!

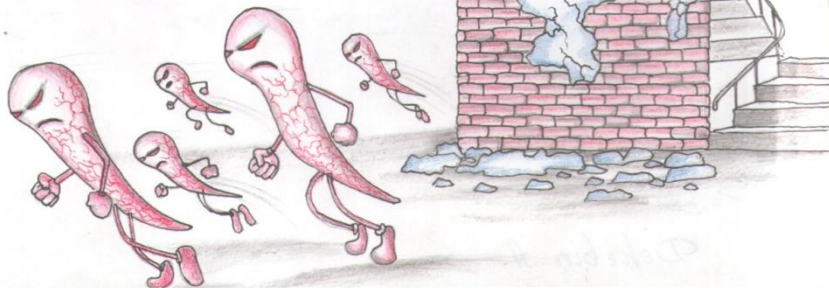

Полночь, с ножом мечась,
догнала,
зарезала, —
вон его!

ОБЛАКО В ШТАНАХ

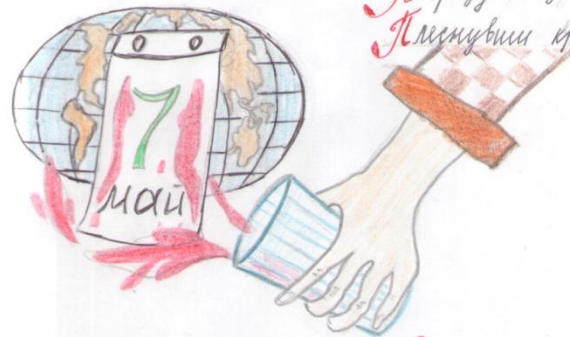
Рухнула штукатурка в нижнем этаже.

Нервы —
большие,
маленькие;
много! —
скачут бешенно,
и уже
у нервов подкашиваются ноги!

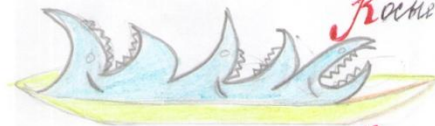

А вы могли бы

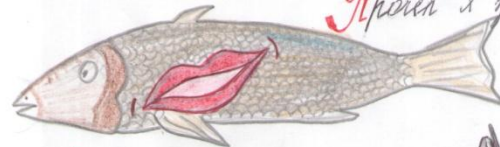
Я сразу смазал карту будня
Алсувими краску из стакана

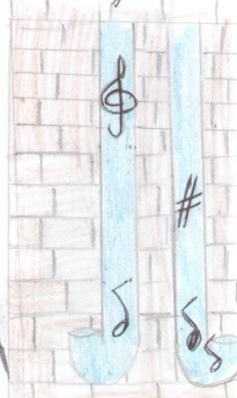
Я показал на блюде студии
Косме шум океана

А я еще титаной рибой
Проглянул а довы новых зуб

А вы
Актриса скрывает
Могли бы
На фрейте водостопных труб?

Послушайте!

Послушайте!

Ведь, если звёзды зажигают –
Значит – это кому-нибудь
нужно?

Значит – кто-то хочет, чтобы
они были?

Значит – кто-то называет эти
плевочки

Жемчужиной?

И, надрываясь,
В метелях полуденной
пыли,
Врывается к богу,
Боится, что опоздал,
Плачет,
Целует ему жилистую руку,
Просит –
Чтоб обязательно была
звезда! –
Клянётся –
Не перенесёт эту
беззвездную муку!
А после
Ходит тревожный,
Но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»

М.К. Чюрлёнис «Соната звёзд. Аллегро»

Послушайте!
Ведь, если звёзды
Зажигают –
Значит – это кому-нибудь
нужно?
Значит – это необходимо,
Чтобы каждый вечер
Над крышами
Загоралась хоть одна
звезда?!

М.К. Чюрлёнис «Соната солнца. Скерцо»

Лиличка!

Дым табачный воздух выел
Комната –
Глава в крученыховском аде.
Вспомни – за этим окном
впервые
Руки твои, исступленный,
гладил.
Сегодня сидишь вот,
Сердце в железе.
День ещё – выгонишь,
Может быть, изругав.
В мутной передней долго не
влезет
Сломанная дрожью рука в
рукав.
Выбегу, тело в улицу брошу я.
Дикий, обезумлюсь,
Отчаяньем иссекаюсь.
Не надо этого,
Дорогая,
Хорошая,
Дай простимся сейчас.

Всё равно
Любовь моя –
Тяжкая гиря ведь –
Висит на тебе,
Куда ни бежала б.
Дай в последнем крике
вырветь
Горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом уморят –
Он уйдёт,
Разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей
Мне нету моря,
А у любви твоей и плачем не
вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон –
Царственный ляжет в
опожаренном песке.
Кроме любви твоей
Мне нету солнца,
А я не знаю, где ты и с кем.

Если б так поэта измучила,
Он
Любимую на деньги б и славу
выменял,
а мне
Ни один не радостен звон,
Кроме звона твоего любимого
имени.
И в пролёт не брошусь,
И не выпью яда,
И курок не смогу над виском
нажать.
Надо мною,
Кроме твоего взгляда,
Не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
Что тебя короновал,
Что душу цветущую любовью выжег,
И суетных дней взметённый
карнавал
Растреплет страницы моих
книжек...
Слов моих сухие листья ли
Заставят остановиться, жадно
дыша?
Дай хоть
Последней нежностью выстелить
Твой уходящий шаг.

Велимир Хлебников (1885-1922)

Идеальный мир представлял великим содружеством народов: «Люди! Утопим вражду в солнечном свете!» В первобытном обществе и языческой культуре видел проявления ценностей, лишённых классовых предрассудков. Отсюда – глубокий интерес к славянской истории, фольклору, мифологии. Большой знаток славянского языка, он вошел в историю литературы как непревзойденный экспериментатор: «Словотворчество – враг книжного окаменения языка. Языковедство даёт право населить новой жизнью, несуществующими словами оскудевшие волны языка. Верю, они снова заиграют, как в первые дни творения».

Заклятие смехом

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что
смеянутся смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешиць
надсмеяльных – смех
усмейных смехачей!

О, иссмейся рассмеяльно,
смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей, смешики,
смешики,
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

Виктор Васнецов «Царевна-Несмеяна»

Когда умирают кони –
дышат,
Когда умирают травы –
сохнут,
Когда умирают солнца –
они гаснут,
Когда умирают люди –
поют песни.

М.К. Чюрлёнис «Сказка королей»

Каменский Василий Васильевич (1884-1961)

Его новое «искусство-неожиданность» было рассчитано на то, чтобы поразить читателя. Группа, куда входил Каменский, стала называть себя «будетлянами» – это те, которые будут. Заявил о себе громко и скандально. Автор сборника «Танго с коровами». Придавал смысловое значение внешней форме стиха: фигурные стихотворения, в столбик, сочетания шрифтов, «словотворчество и словоновшество».

Русский Звенидень

Звени, Солнце! Копья светлые
мечи,
Лей на Землю жизнедатные лучи.
Звени, знойный, краснощекий,
Ясный-ясный день!
Звенидень!
Звенидень!
Пойте, птицы! Пойте, люди! Пой,
Земля!
Побегу я на весёлые поля.
Звени, знойный, чернозёмный,
Полный-полный день.
Звенидень! Звенидень!
Сердце, радуйся и, пояс,
развяжись!
Эй, душа моя, пошире
распахнись!
Звени, знойный, кумачовый,
Яркий-яркий день.
Звенидень! Звенидень!
Звени, Солнце! Жизнь у каждого
одна,
Лучезарная, бегущая волна.
Звени, знойный, разудалый
Русский алый день.
Звенидень!
Звенидень!

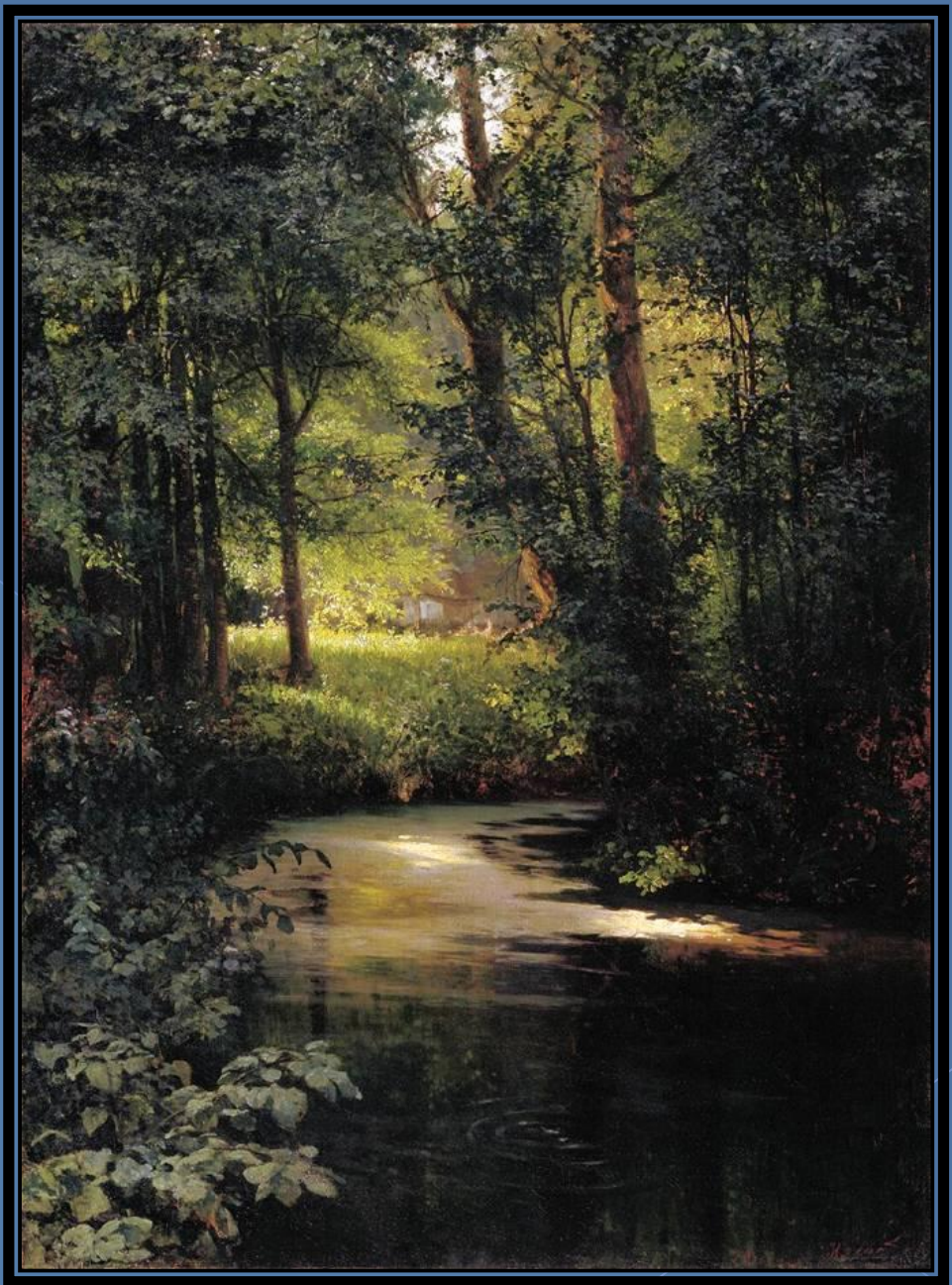

Чурлю-журль

Звенит и смеётся,
Солнится, весело льётся
Дикий лесной ручеёк,
Своевольный мальчишка:
Чурлю-журль,
Чурлю-журль!
Звенит и смеётся.
И эхо живое несётся
Далеко в зелёной тиши
Корнистой глуши:
Чурлю-журль,
Чурлю-журль!

Звенит и смеётся,
Отчего никто не проснётся
И не побежит со мной
Далеко в разгулье:
Чурлю-журль,
Чурлю-журль!
Смеётся и солнится,
С гор несёт песню
И не видит: лесная лесинка
Низко нагнулась над ним.
И не слышит цветинка
Песню ответную,
Ещё зовно зовёт:
Чурлю-журль,
А чурлю-журль!

Борис Леонидович Пастернак (1890-1960)

Его поэзия сложна, как формула белка, из которого только и строится всё живое.

«Пастернак – это тайнопись, иносказание, шифр».

(М. Цветаева)

Слёзы восторга и внутренний трепет – это его стихи. Свежая поэзия Пастернака была не о природе, а самой природой, пожелавшей говорить его устами: *«Природа всю жизнь была его единственной музой, его Невестой и Возлюбленной, его Женой и Вдовой. Он остался ей верен, до конца, и она по-царски награждала его»*

(А. Ахматова)

Февраль. Достать чернил и
плакать!

Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною чёрною горит.

Достать пролётку. За шесть
гривен,
Через благовест, через клик
колёс,
Перенестись туда, где ливень
Ещё шумней чернил и слёз.

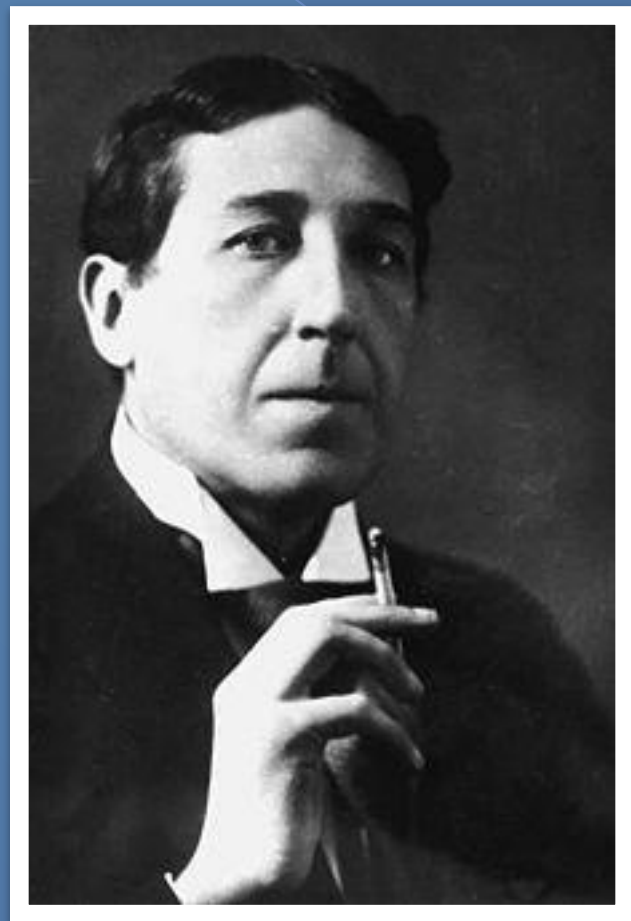
Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

А.К. Саврасов «Грачи прилетели»

Игорь Северянин (1887-1941)

В 1918 г. в Москве был избран королём поэтов. Представлял направление «эгофутуризм». При всей манерности и вычурности стихотворений его поэзии свойственна простота и ясность пушкинского стиха.

После 1917 г. уехал с семьёй на отдых в Эстонию, да так и остался «дачником»: Эстония отделилась от России и он оказался вынужденным эмигрантом. Умер в оккупированном фашистами Таллинне.

Его стиль: звонкие рифмы, музыкальность, авторские неологизмы. *«Игорь Северянин – большой, яркий поэт, у которого есть чему учиться. Сущность его – в первооткрывательстве»*

(Булат Окуджава)

I. Стихотворения,
выражающие поэтическое
кredo автора.

Мои стихи – туманный сон.
Он оставляет впечатление...
Пусть даже мне неясен он, -
Он пробуждает вдохновение...
О люди, дети мелких смут,
Ваш бог – действительность
угрюмая.
Пусть сна поэта не поймут, -
Его почувствуют, не думая...

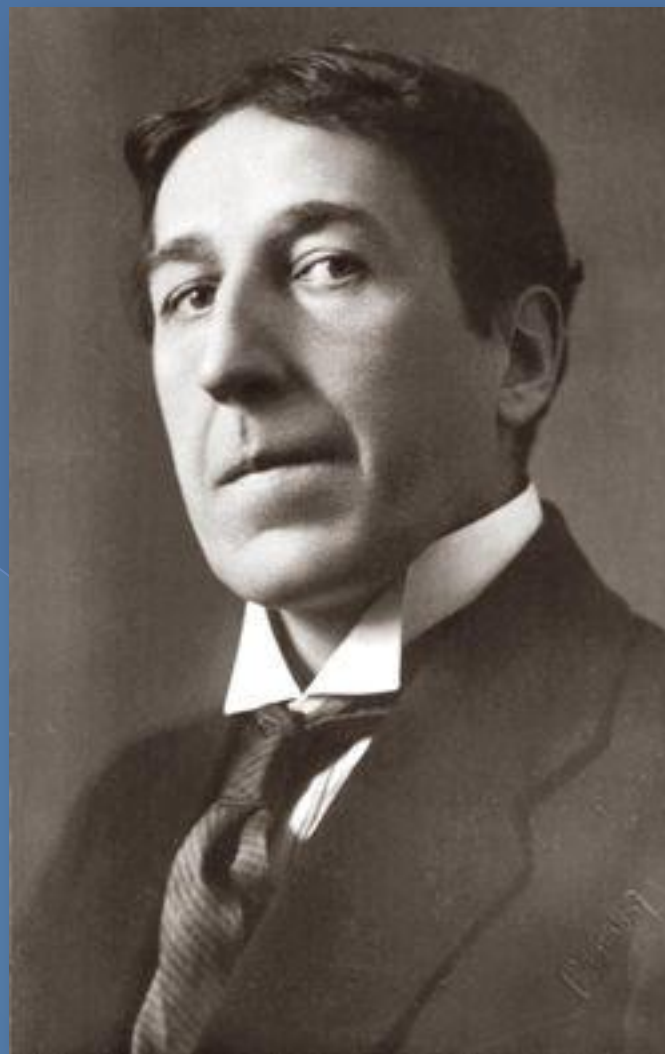

Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоён:
Я повсеградно оэкранен!
Я повсесердно утверждён!

От Баязеда к Порт-Артуру
Черту упорную провёл,
Я покори́л литерату́ру!
Взлетел, гремящий, на престол!

Я – год назад – сказал: «Я буду!»
Год отсверкал, и вот – я есть!
Среди друзей я зрил Иуду,
Но не его отверг, а – месть.

«Я одинок в своей задаче!» -
Презренно я провозгласил.
Они пришли ко мне, кто зрячи,
И, дав восторг, не дали сил.

Весенний день

Весенний день горяч и золот, -
Весь город солнцем ослеплён!
Я снова – я: я снова молод!
Я снова весел и влюблён!

Душа поёт и рвётся в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы – в бричке по ухабам!
Скорей бы – в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам,
Как друга, целовать врага!

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! Цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

М.К. Чюрлёнис «Соната весны. Скерцо»

Игорь Северянин

Он тем хорош, что он совсем не то,
Что думает о нём толпа пустая,
Стихов принципиально не читая,
Раз нет в них ананасов и авто.

Фокстрот, кинематограф и лото –
Вот, вот куда людская мчится стая!
А между тем душа его простая,
Как день весны. Но это знает кто?

Благословляя мир, проклятье войнам
Он шлёт в стихе, признания достойном,
Слегка скорбя, подчас слегка шутя
Над всею первенствующею планетой...
Он – в каждой песне, им от сердца спетой,
Иронизирующее дитя.

II. Из книги «Ананасы в шампанском».

Увертюра

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я в чём-то норвежском! весь я в чём-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!

Стрекот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! Крылолёт буэров!
Кто-то здесь зацелован! Там кого-то побили!
Ананасы в шампанском – это пульс вечеров!

В группе девушек нервных,
в остром обществе
дамском
Я трагедию жизни
претворю в грёзофарс...
Ананасы в шампанском!
Ананасы в шампанском!
Из Москвы – в Нагасаки!
Из Нью-Йорка – на Марс!

Оттого и люблю

Я люблю сердечно,
безрассудно,
Безотчётно всю, как есть, тебя!
Но за что люблю, я знаю
смутно,
А верней – совсем не знаю я.

Как тебя целую! Как милую!
Ты со мной – смеюсь, а нет –
грущу...
Оттого тебя ведь и люблю я,
Что любви причины не ищу!...

И. Левитан «Осенний день. Сокольники»

Мадригал

Часто вы мне грезитесь фиалкой –
Этим нежным, ласковым цветком;
Иногда – таинственной русалкой,
Воплощенной грезящим умом.

Иногда – принцессой кроткой,
хрупкой,
Милосердной даже к комару;
И всегда – свободною голубкой,
Ввысь летящей к правде и добру!

К. Маковский «Офелия»

Лепестки оживают...

Помнишь, Женя? – Это было в мае,
Года два, мой друг, тому назад.
Если ты забыла, дорогая,
Не забыл, быть может, старый сад.

Вечерело. Мы вдыхали струи
Ветерка, обнявшего сирень.
Что за речи! Что за поцелуи!
Что за чудный, незабвенный день!

Подойдя задумчиво к сирени,
Ты роскошный сделала букет
И сказала: Вот тебе от Жени,
Получай, возлюбленный поэт!

Засмеялась ласково и нежно,
Я пьянел, вдыхая аромат.
Ты взглянула в очи мне прилежно,
Прошептала: Мне грустно, милый
брат...

Вздрыгнул я, склонился на колени,
Я тебя, голубку, утешал
И тебе, моей любимой Жене
Губки, глазки, ручки целовал.

... Мы расстались: мы с тобой «не пара»,
Как сказали «добрые друзья».
Но нельзя забыть признаний жара
И тебя нельзя забыть, нельзя!

В. Борисов-Мусатов «Весна»

И нельзя забыть былого тени,
Эти раз любившие сердца,
Этот вздох, душистый вздох сирени,
Эти ласки, ласки без конца!

До сих пор, тревожа и волнуня
Душу мне, палят мои уста
Эти, только наши, поцелуи,
Под охраной нашего куста.

О, когда б вернулись чувства мая,
Чувства наши светлые назад!
Помнишь, Женя? помнишь, дорогая?
Если ты забыла, помнит сад.

Это было у моря

Это было моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской
экипаж...

Королева играла – в башне замка
– Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил её
паж.

Было всё очень просто, было всё
очень мило:

Королева просила перерезать
гранат,
И дала половину, и пажа
истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах
сонат.

А потом отдавалась, отдавалась
грозово,
До восхода рабыней проспала
госпожа...

Это было у моря, где волна
бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

М.К. Чюрлёнис «Соната моря»

III. Эмиграция.

Запевка

О России петь – что стремиться в
храм
По лесным горам, полевым
коврам...

О России петь – что весну
встречать,
Что невесту ждать, что утешить
мать...

О России петь – что тоску забыть,
Что Любовь любить, что
бессмертным быть!

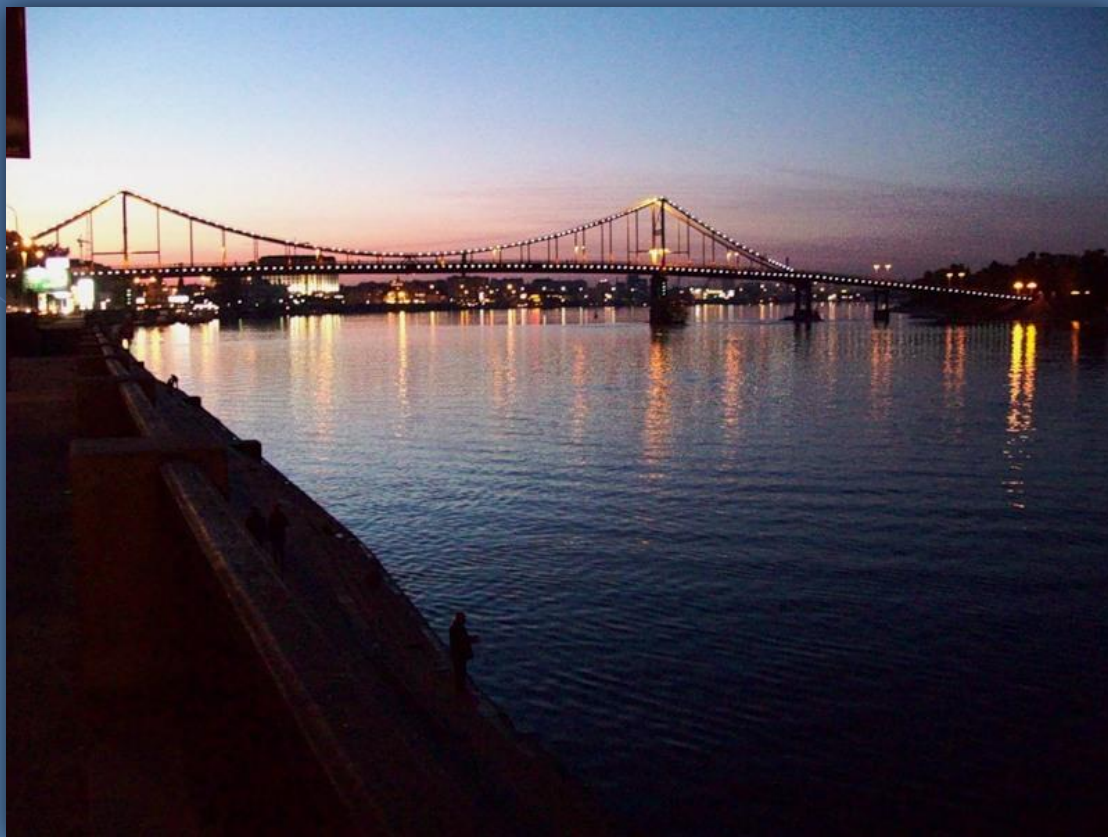
И. Левитан «Вечерний звон»

За Днепр обидно

За годом год. И с каждым годом
Всё неотступней, всё сильнее
Влечёт к себе меня природа
Великой Родины моей.

Я не завистлив, нет, но зависть
Святую чувствую порой,
Себе представив, как мерзавец –
Турист какой-нибудь такой, -

Не понимающий России,
Не ценящий моей страны,
Глядит на Днепр в часы ночные
В сиянье киевской луны!

Классические розы

В те времена, когда роились грёзы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слёзы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в
стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут – уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в
гроб!

